

доктор филологических наук,
профессор кафедры мировой
литературы Полтавского
национального педагогического
университета имени В. Г. Короленко

РАССКАЗ ЧЕХОВА «ПРИПАДОК»: ПОЭТИКА И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Проблемы понимания и интерпретации чеховских произведений далеко не исчерпаны. Они не потеряли своей актуальности в современном чеховедении. Эти проблемы, как и сложность анализа текстов Чехова, во многом связаны с особенностями их нарративной структуры, а также с завуалированностью авторской точки зрения. Свойственная писателю объективная манера повествования или повествования в «тоне» и «духе» героев, наличие подтекста в его произведениях заставляют читателя в каждом отдельном случае решать непростую задачу: как относиться к изображаемому автор? Исследователи справедливо относят данную проблему к загадкам Чехова. Например, А. Д. Степанов подчеркивает, что «объективность и сдержанность Чехова оставляет читателя наедине с зеркалом. Отсюда разноголосица полярных мнений – например, об отношении автора к страданиям его героев» [8, с. 5]. Известные чеховеды пишут о сложности интерпретации произведений писателя, о неоднозначности созданных им образов и ситуаций. По мнению В. Б. Катаева, «хрестоматийно известный, прозрачно-ясный, объясненный и понятый, кажется, весь, до последнего образа, Чехов оказывается небывало сложным» [3, с. 4].

Поскольку творческая манера мастера, характерные особенности его поэтики отражаются в каждом его произведении, в качестве основного объекта анализа возьмем один рассказ Чехова – «Припадок», написанный в 1888 году. Выбор данного произведения объясняется несколькими причинами. Оно не относится к числу хрестоматийных, и исследователи обращались к нему не столь часто, как к другим текстам писателя. Среди работ, в которых содержится анализ рассказа «Припадок» или упоминание о нем, заслуживают внимания монографии Г. П. Бердникова «Чехов» (1974) [1], В. Б. Катаева «Проза Чехова: проблемы интерпретации» (1979) [3] и А. П. Чудакова «Мир Чехова» (1986) [12].

Цель данной работы – проанализировать особенности поэтики и контекста рассказа Чехова «Припадок», в частности, уточнить особенности его нарративной структуры, роль и функции отдельных деталей, цитат, аллюзий и реминисценций. «Произведение, как мир, неисчерпаемо для познания, поэтому в принципе немислимы «окончательные» интерпретации», – справедливо замечает В. Б. Катаев [3, с. 2].

Для реконструкции замысла автора важно учитывать обстоятельства, благодаря которым он появился. Напомним, что рассказ был написан по заказу и опубликован в сборнике «Памяти Гаршина» в 1889 году. Замысел создания такого сборника возник буквально через несколько дней после трагической гибели В. М. Гаршина 24 марта 1888 года. Дав согласие опубликовать свой рассказ в указанном сборнике, Чехов в письме к редактору А. Н. Плещееву от 15 сентября 1888 года подчеркнул, что таких людей, как Гаршин, любит «всей душой», выразил сожаление по поводу того, что у него «нет тем, сколько-нибудь годных для сборника», и поделился своими планами: *«Впрочем, есть еще у меня одна тема: молодой человек гаршинской закваски, недюжинный, честный и глубоко чуткий, попадает первый раз в жизни в дом терпимости. <...> Быть может, мне удастся написать его так, что он произведет, как бы я хотел, гнетущее впечатление...»* [10, с. 331]. Другие письма Чехова к А. Н. Плещееву также свидетельствуют о том, что он собирался написать не просто рассказ, а рассказ в гаршинском духе.

В сюжетном плане «Припадок» Чехова отличается удивительной простотой. В основе сюжета – повествование о том, как студенты – медик, художник и юрист – решили посетить публичный дом, который находится в одном из московских переулков. В центре внимания автора – переживания одного из трех героев, связанные с этим событием. Для студента-юриста Григория Васильева столкновение с реальной действительностью стало причиной навязчивой идеи, болезни, которая была воспринята окружающими как припадок. Именно Васильев изображен в рассказе как «молодой человек гаршинской закваски». Ключевыми мотивами в произведении являются мотивы душевной боли и душевного страдания. Эти мотивы, как и одна из основных тем рассказа – тема проституции, – сближают «Припадок» Чехова с произведениями Гаршина, в частности, с рассказами «Происшествие» и «Надежда Николаевна». Закончив рассказ, Чехов написал в письме Суворину 11 ноября 1888 года: *«В этом рассказе я сказал своё, никому не нужное мнение о таких людях, как Гаршин. <...> Говорю много о проституции <...>. Отчего у вас в газете ничего не пишут о проституции? Она ведь страшнейшее зло. Наш Соболев переулок – это рабовладельческий рынок»* [11, с. 67].

Сообщив о намерениях студентов посетить Соболев переулок, а также о том, что Васильев долго не соглашался принять это предложение, автор подчеркивает, что *«падших женщин он знал только понаслышке»*. Однако далее в авторский текст «вклиниваются» мысли героя о таких женщинах: *«Они не знают чистой любви, не имеют детей, не правоспособны; матери и сестры оплакивают их, как мертвых, наука третировает их, как зло, мужчины говорят им ты»* [9, с. 199]. В данном случае в авторском тексте ощутимо звучание мыслей героя. Жизнь падших женщин изображается сквозь призму его сознания. Здесь автор использует прием несобственно-прямой речи. Примеры подобного рода Э. А. Полоцкая называет «объективно-субъективным повествованием» [5, с. 124], а С. П. Степанов – «субъективацией повествования», подразумевая под этим «введение точки зрения персонажа в речь повествователя» [7].

Мысли героя свидетельствуют о том, что у него идеализированные представления о тех, кого он называет не прямо, а иносказательно – «они». В них звучит явное сочувствие к падшим женщинам: *«Все они сознают свой грех и надеются на спасение. <...> Правда, общество не прощает людям прошлого, но у Бога святая Мария Египетская считается не ниже других святых»* [9, с. 199]. Упоминание о Марии Египетской в тексте рассказа не случайно. Оно характеризует позицию героя и нацелено на то, чтобы вызвать у читателя определенные ассоциации. Чтобы понять героя, читатель должен знать, что Мария Египетская – блудница, которая приняла причастие и сорок семь лет провела в полном покаянии, посте и молитве, став покровительницей кающихся женщин в христианском учении.

Отношение героя к проституции до знакомства с публичными домами характеризует также «где-то» и «когда-то» вычитанная им история о том, как *«какой-то молодой человек, чистый и самоотверженный, полюбил падшую женщину и предложил ей стать его женою, но она же, считая себя недостойною такого счастья, отравилась»* [там же]. В академическом собрании сочинений Чехова данный фрагмент текста не комментируется. Между тем он вызывает множество самых различных ассоциаций. До Чехова было написано немало произведений о том, как молодой человек полюбил падшую женщину. Вспоминается художник Пискарёв из повести Гоголя «Невский проспект», Арман Дюваль из романа А. Дюма-сына «Дама с камелиями», Иван Иванович Никитин из рассказа Гаршина «Происшествие» и Лопатин из его же повести «Надежда Николаевна». Однако все подобные истории имели другие финалы. У Гоголя и Гаршина в финале произведения гибнет не падшая женщина, а тот, кто ее полюбил. Очевидно, Чехов умышленно выбирает нетипичный финал, чтобы подчеркнуть иллюзорность представлений героя об обитательницах домов терпимости.

Важную роль в построении рассказа играет прием контраста. Сама атмосфера, настроение героев до и после посещения домов терпимости, находящихся в Соболевом переулке, резко противопоставлены.

Фоном для развития действия в первой части рассказа служит зимний пейзаж, описание «первого снега». «...*Все в природе находилось под властью этого молодого снега*», – замечает автор. – <...> *все было мягко, бело, молодо...*» [9, с. 200-201]. Определение «*молодой снег*» дважды повторяется в этом фрагменте, который звучит как гимн первому снегу, а сам снег воспринимается как символ молодости и чистоты – «*белый, молодой, пушистый снег*». Сложное предложение, в котором дается описание первого снега, имеет внутренний ритм. В его состав входит несколько простых предложений, заканчивающихся женской клаузулой: «*дома выглядели иначе*», «*фонари горели ярче*», «*экипажи стучали глуше*» [9, с. 201].

Настроение, с которым Васильев вышел с приятелями из дому, подчеркивает мелодия, которую напевают медик и художник: «*Невольно к этим грустным берегам <...> меня влечёт неведомая сила*»; «*Вот мельница... Она уж развалилась...*»; «*Здесь некогда меня встречала свободного свободная любовь...*» [там же]. Автор не называет имена создателей текста и музыки. Интеллигентному читателю, современнику Чехова, нетрудно было догадаться, что герои рассказа озвучивают фрагменты из оперы А. С. Даргомыжского «Русалка», написанной по одноименной драме Пушкина. Случайно ли выбраны именно эти фрагменты? В рассказе, который писался для гаршинского сборника, – не случайно. Чехову не удалось встретиться с Гаршиным, но он многое знал о его жизни. Можно предположить, что ему была известна любовь Гаршина к опере. В одном из писем к Р. В. Александровой (от 27 ноября 1878 года) писатель сообщает, что он и его компания посещают оперу еженедельно, перечисляет оперные произведения, среди которых значится «Русалка», и пишет о том, что она ему «*очень понравилась*» [4]. Однако, кроме подобных ассоциаций, отрывки из пушкинской «Русалки» в тексте рассказа «Припадок» могут выполнять и другую функцию. Герои, намеревающиеся посетить публичный дом, не случайно поют о свободной любви, озвучивая текст оперного либретто. Заметим, последняя цитата из оперного либретто в пушкинском тексте звучит иначе: «*Здесь некогда любовь меня встречала, // Свободная, кипящая любовь*» [6, с. 506].

Автор неоднократно подчеркивает, что Васильев отличается от своих товарищей. Свою непохожесть на приятелей осознает и сам герой. Но после посещения ресторана и двух рюмок водки (деталь немаловажная для понимания поведения персонажа) он уже «*с умилением глядел на своих приятелей*» и «*любовался ими*». Далее повествование от имени автора снова незаметно переходит в повествование от имени героя: «*Как у этих здоровых, сильных, весёлых людей всё уравновешенно, как в их умах и душах всё законченно и гладко! Они и поют, и страстно любят театр, и рисуют, и много говорят, и пьют, и голова у них не болит на другой день...*» и т. д. [9, с. 200]. О том, что это мысли героя, его внутренний монолог, как и в других подобных случаях, свидетельствует усложненная конструкция предложения, своеобразный ритм, а также повторы, например, в одном предложении четыре раза повторяется местоимение «они». Оппозиция «он» и «они» – своеобразная композиционная ось произведения. С одной стороны, наблюдаем противопоставление «он» – герой, чуткий к боли, «они» – падшие женщины; а с другой стороны – «он» и его приятели. «Авторская оценивающая инстанция», по определению А. Д. Степанова, «сливается с оптической позицией, голосом и оценкой героя» [8, с. 12].

Первая часть рассказа представляется очень важной в художественной целостности произведения. Именно здесь читатель находит объяснение того, как герой, склонный к состраданию, попадает в публичный дом. После посещения ресторана ему уже нравятся его приятели, и более того, он начинает петь вполголоса мелодию, которую пели они и которая в контексте произведения приобретает символическое звучание: «*Невольно к этим грустным берегам <...> меня влечёт неведомая сила*» [9, с. 202]. «Неведомая сила» в рассказе Чехова влечет

студентов в публичный дом. Мелодии из оперы «Русалка» станут лейтмотивом рассказа. Их напевает художник во второй части, когда приятели уходят из одного публичного дома и идут в другой, и эти же мелодии звучат, когда они возвращаются домой в четвертой части рассказа.

Само описание публичных домов и пребывания там студентов занимает немного места (главы со второй по четвертую), и столько же – три главы (с пятой по седьмую) – посвящено изображению состояния Васильева, его нравственных страданий после посещения известного в Москве С-в или Соболева переулка.

Пребывание студентов в домах терпимости напоминает экскурсию. Автор ведет счет посещений подобных заведений: из одного они ушли через пять минут, в другом постояли в передней, а после того, как Васильев *«побывал в восьми домах»*, он понял, что пошлость и безвкусица являются *«стилем С-ва переулка»*.

В изображении публичных домов, как и в других частях рассказа, важную роль играет точка зрения главного героя. В каждом из подобных заведений Григорий Васильев пытается найти подтверждение своих представлений о жизни падших женщинах и не находит. Не было того, что рисовало его воображение: *«Потемок же, тишины, тайны, виноватой улыбки, всего того, что ожидал он здесь встретить <...>, он не видел даже тени»* [9, с. 204]. В этой части рассказа мотив *«виноватой улыбки»* является одним из ведущих. Он повторяется в разных вариациях пять раз. В каждом публичном доме Васильев ищет *«человеческий образ с виноватой улыбкой»*, но вместо этого образа видит тупые, равнодушные лица, *«глупые глаза, глупые улыбки, резкие глупые голоса, наглые движения»* [9, с. 210] и слышит банальные фразы: *«угостите портером»*, *«угостите лафитом»*. Звуковым фоном происходящего в публичных домах являются *«весёлые звуки роялей и скрипок»*, *«звуковая путаница роялей и скрипок»*.

Герой начинает воспринимать увиденное как страшное зло. Вначале он испытывает ненависть и отвращение к женщинам подобного рода, но, став свидетелем того, как плакала проститутка, которую ударил гость, начинает понимать, что в подобных домах тоже живут люди, которые *«оскорбляются, страдают, плачут, просят помощи»*. Васильев начинает воспринимать проституцию в ином ключе – как социальное зло. Изменившиеся представления героя приводят к тому, что мир предстает в его восприятии в совершенно ином свете. *«И как может снег падать в этот переулок, – думал Васильев. – Будь прокляты эти дома!»* [9, с. 212]. Его попытки осудить товарищей, которые, как ему кажется, не задумываются о том, что посещать подобные заведения грех, не встречают понимания. Более того, художник, оказавшийся более деятельным, заступившийся за проститутку, которую ударили, называет Васильева *«дураком и болваном»*.

Между рассказом Чехова «Припадок» и произведениями В. М. Гаршина наблюдается тесная типологическая связь. Известно, что Гаршин был мастером социально-психологического рассказа. «Припадок» Чехова по своей жанровой природе – тоже социально-психологический рассказ. Как уже было отмечено, в этом произведении писатель намеревался воспроизвести черты человека «гаршинского склада». Как и гаршинские герои, Васильев мучится и страдает оттого, что в мире существует зло, что мир несовершенен. Автор наделяет его необыкновенно чуткой душой. Он вкладывает в уста одного из приятелей Васильева мысль о том, что он талантливый человек, но его талант особый. *«Есть таланты писательские, сценические, художнические, у него же особый талант – человеческий. Он обладает тонким, великолепным чутьем к боли вообще»*, – пишет Чехов [9, с. 216]. Васильев действительно имеет много общего с такими гаршинскими героями, как Иван Иванович из рассказа «Происшествие» и Лопатин из повести Гаршина «Надежда Николаевна». Это герои, у которых болит душа. Заметим, что «чутьё к боли», чувство сострадания были свойственны не только Гаршину, но и самому Чехову. Так, К. И. Чуковский в своих воспоминаниях о писателе обращает внимание на то, что *«жалость к конкретному человеку была его культом»* [13, с. 37].

Тема проституции также сближает произведения Гаршина и Чехова. Однако в интерпретации этой темы у писателей есть как общее, так и различное. И Гаршин, и Чехов очень деликатно подходят к ее освещению. Затронув практически табуированную тему, они избегают вульгарной лексики. Так, в одном из писем А. Н. Плещееву Чехов указывает, что описывает Соболев переулком *«осторожно, не ковыряя грязи и не употребляя сильных выражений»* [11, с. 52]. В повести Гаршина «Надежда Николаевна» место, где Лопатин впервые встретил главную героиню, прямо даже не названо. По отдельным деталям, намекам, в основном по фальши в одежде, обстановке, поведении героев читатель должен догадаться, что они оказались в публичном доме. Чехов, в отличие от Гаршина, изображая дома терпимости, стремится воссоздать типичную атмосферу, царившую в подобных заведениях; он подчеркивает наиболее характерное в облике их обитательниц.

Надежда Николаевна в произведениях Гаршина – вовсе не типичная проститутка. Она умна, сама о себе говорит, что *«может блеснуть где-нибудь на Невском французским или немецким языком!»*, что помнит Пушкина и Лермонтова [2, с. 18]. В повести «Надежда Николаевна» Лопатин вспоминает, как она вошла в его комнату *«волнуясь и стыдясь (да, стыд сменил ее вчерашнее положение)»*, как *«робко и застенчиво ответила»* на его приветствие [2, с. 18]. Героиня из одноименной повести Гаршина задумывается над тем, как ей изменить свою жизнь. Возможно, эти детали гаршинского текста и подсказали Чехову мотив *«виноватой улыбки»*, который многократно повторяется в рассказе «Припадок». При этом нельзя исключить связь данной детали чеховского рассказа с другими произведениями. Так, мысли Васильева *«о страдальческом лице с виноватой улыбкой»* могли быть навеяны и образом Сонечки Мармеладовой из романа Достоевского «Преступление и наказание», тем более что образ Надежды Николаевны у Гаршина неоднозначен. В рассказе «Происшествие» у нее есть свой «пост» и она, как и другие представители ее профессии, *«одурманивается водкой»*.

Как и многие произведения Гаршина, «Припадок» Чехова построен таким образом, что в центре рассказа – одно событие, которое приводит героя к размышлениям о существовании социального зла и о необходимости его искоренения. Пораженный увиденным в Соболевом переулке, Васильев, подобно герою «Красного цветка», начинает думать о том, как с ним бороться. Но в отличие от гаршинского рассказа, в рассказе Чехова «Припадок» зло имеет не символический характер, оно действительно существует. Проанализировав известные ему попытки спасения отдельных падших женщин, а именно – покупка швейной машинки, женитьба, герой приходит к выводу, что они окажутся безуспешными, потому что на место спасенных приедут новые партии *«саратовских, нижегородских, варшавских...»*. *«А куда девать сто тысяч лондонских? Куда девать гамбургских?»*, – задает он риторические вопросы [9, с. 216]. Единственным способом борьбы с этим злом, с точки зрения Васильева, может быть «апостольство». Как указывает А. П. Чудаков, в размышлениях героя рассказа «Припадок» присутствует свойственная Толстому «рассудительность», идея проповеди и апостольства, но при этом сюжет рассказа не толстовский, а типично чеховский: «к попытке решения морального вопроса героя приводит не собственная эволюция, подготовленная фабульно, но случай» [12, с. 271]. Отличие между Толстым и Чеховым заключается также в том, что герой рассказа «Припадок» имеет мало общего с проповедниками апостольства. Прав В. Б. Катаев, когда спорит с исследователями, сделавшими из Васильева чуть ли не нравственный идеал писателя, рассматривая его как «положительного героя» чеховского творчества [3, с. 79]. Заметим, что Васильев осознает свое бессилие, неготовность к каким-либо радикальным поступкам. Он понимает, что *«у него нет дара слова, что он труслив и малодушен, что равнодушные люди едва ли захотят слушать и понимать его, <...> человека робкого и ничтожного, что истинное апостольство заключается не в одной только проповеди, но и в делах»* [9, с. 217]. Но, несмотря на это, в образе Васильева подкупает его неравнодушие к чужому страданию и чужой боли.

Финал рассказа «Припадок» не похож на финалы произведений Гаршина. Герой не покончил жизнь самоубийством. Рассказ заканчивается буднично. После посещения доктора Васильеву *«полегчало»*. Возможно, ему помогло внимание со стороны его приятелей, которые привели его к доктору, а также поведение самого доктора, который вел себя так, *«как будто отлично понимал и слезы, и отчаяние, как будто чувствовал себя специалистом по этой части»* [9, с. 221].

Для поэтики рассказа «Припадок» характерны черты, свойственные произведениям, созданным Чеховым в зрелый период творчества: объективно-субъективная манера повествования, неопределенность субъекта речи, сочетание лаконизма с обилием повторов (особенно во внутренних монологах героев), система лейтмотивных деталей, а также использование цитат, аллюзий, реминисценций, которые расширяют семантическое поле текста. Э. А. Полоцкая справедливо указывает, что *«мысль творца, не высказанная словом, доходит до читателя через переключки отдельных характеров, эпизодов, реплик, описаний, образов <...>, которые в чеховском произведении поднимают значение контекста на небывалую высоту»* [5, с. 120]. В рассказе «Припадок» присутствует «диалог» с произведениями Пушкина, Гаршина, Толстого и других писателей.

Литература:

1. Бердников Г. П. Чехов / Бердников Георгий Петрович. – М.: Молодая гвардия, 1974. – 512 с.
2. Гаршин В. М. Рассказы / Всеволод Михайлович Гаршин. – Л.: Худож. лит., 1986. – 256 с.
3. Катаев В. Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации / Катаев Владимир Борисович. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 327 с.
4. Письмо В. М. Гаршина Р. В. Александровой от 27.11.1878 г. // В. М. Гаршин. Избранные письма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: az.lib.ru/g/garshin_w_m/text_0250.shtml
5. Полоцкая Э. О поэтике Чехова. Изд. 2-е / Эмма Артемьевна Полоцкая. – М.: Наследие, 2001. – 240 с.
6. Пушкин А. С. Русалка // Пушкин А. С. Сочинения: В 3 т. – Т. 2. – М.: Худож. лит., 1986. – С. 486–505.
7. Степанов С. П. Субъективация повествования и способы организации текста: на материале повествовательной прозы Чехова / Степанов Сергей Павлович // Дисс. на соискание ученой степени доктора филол. наук. – Санкт-Петербург, 2002. – 476 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/subektivatsiya-povestvovaniya-i-sposoby-organizatsii-teksta-na-materiale-povestvovatelnoi-pr>
8. Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова / Андрей Дмитриевич Степанов. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 400 с. – (Studia philologica).
9. Чехов А. П. Припадок // А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения. – Т. 7. – М.: Наука, 1977. – С. 199–221.
10. Чехов А. П. Письма. 1887 – сентябрь 1888 гг. // А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма. – Т. 2. – М.: Наука, 1975. – 582 с.
11. Чехов А. П. Письма. Октябрь 1888 – декабрь 1889 гг. // А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма. – Т. 3. – М.: Наука, 1976. – 574 с.
12. Чудаков А. П. Мир Чехова. Возникновение и утверждение / Чудаков Александр Павлович. – М.: Сов. писатель, 1986. – 382 с.
13. Чуковский К. И. Чехов. / Чуковский Корней Иванович // Чуковский К. И. Современники. Портреты и этюды. – М.: Молодая гвардия, 1962. – С. 5–134.

Анотація

**В. МАЦАПУРА. ОПОВІДАННЯ ЧЕХОВА «ПРИПАДОК»:
ПОЕТИКА І ЛІТЕРАТУРНИЙ КОНТЕКСТ**

У статті аналізуються особливості проблематики і поетики оповідання Чехова «Припадок», зокрема художня структура, суб'єктивно-об'єктивна манера висловлювання, роль невластиво-прямої мови, художніх деталей, повторів, алюзій, ремінісценцій. Автор статті визначає функції цитат із опери О. С. Даргомижського, написаної за однойменною драмою Пушкіна, а також типологічні зв'язки оповідання Чехова з творами Л. М. Толстого і В.М. Гаршина.

Ключові слова: поетика, контекст, сюжет, мотив, герой, композиція, художня деталь, оповідання, повість, жанр, автор, особливості висловлювання, алюзії, ремінісценції.

Аннотация

**В. МАЦАПУРА. РАССКАЗ ЧЕХОВА «ПРИПАДОК»:
ПОЭТИКА И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ**

В статье анализируются особенности проблематики и поэтики рассказа Чехова «Припадок», в частности, художественная структура, субъективно-объективная манера повествования, роль несобственно-прямой речи, художественных деталей, повторов, аллюзий, реминисценций. Автор статьи определяет функции цитат из оперы А. С. Даргомыжского, написанной по одноименной драме Пушкина, а также типологические связи рассматриваемого рассказа Чехова с произведениями Л. Н. Толстого и В. М. Гаршина.

Ключевые слова: поэтика, контекст, сюжет, мотив, герой, композиция, художественная деталь, рассказ, повесть, жанр, автор, особенности повествования, аллюзии, реминисценции.

Summary

**V. MATSAPURA. CHEKHOV'S SHORT-STORY "THE STROKE":
POETICS AND LITERARY CONTEXT**

The peculiarities of problematics and poetics in Chekhov's short-story "The Stroke" are analyzed in the article, in particular, the author of the work considers the artistic structure, subjectively-objective narrative manner, the role of indirect speech, artistic details, repetitions, allusions, reminiscences. The author of the article also determines the functions of quotations in the operas by A.S. Dargomyzsky, written on the basis of the namesake drama by Pushkin, and the typological connections of Chekhov's short-story under consideration with the works of L.N. Tolstoy and V.M. Harshyn.

Key words: poetics, context, plot, motif, hero, composition, artistic detail, story, novelet, genre, author, peculiarities of narration, allusions, reminiscences.